

Субординационные, реординационные и координационные связи в системе иных мер уголовно-правового характера

Д. Б. Лаптев

Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия,
Российская Федерация, 634050, Томск, пл. Ленина, 2

Для цитирования: Лаптев, Дмитрий Б. 2021. «Субординационные, реординационные и координационные связи в системе иных мер уголовно-правового характера». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 4: 1003–1016. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.412>

В статье для определения специфики субординационных, реординационных и координационных связей в системе иных мер уголовно-правового характера анализируется содержание системы данных мер, в которую входят меры, связанные с изоляцией либо ограничением личной свободы, и меры, связанные с ограничением имущественных прав. Предлагается определение системы иных мер уголовно-правового характера как целостного множества, выстроенного по иерархическому принципу и разделенного на две подсистемы, нормативно отраженные в положениях Общей части УК РФ, а социальное — в конкретных общественных отношениях, возникающих в связи с совершением лицом преступления и необходимостью применения к нему мер уголовно-правового воздействия. При исследовании внешних субординационных связей делается вывод, что иные меры уголовно-правового характера стали полноценным компонентом уголовно-правового воздействия, альтернативным уголовному наказанию или дополняющим возникающие при применении наказания ограничения прав и свобод осужденного. Внутренние субординационные связи отражают специфику системы иных мер уголовно-правового характера, позволяя распределить ее элементы в соответствии с функциональным назначением. Реординационные связи демонстрируют соподчиненность подсистемы иных мер уголовно-правового характера как составляющей системы уголовно-правового воздействия, а также бланкетное (отсылочное) взаимодействие с другими элементами системы уголовно-правового воздействия либо с иными сферами социальной жизни, пересекающимися с негативными социальными явлениями. Обосновывается, что координационные связи в системе иных мер уголовно-правового характера носят односторонний характер и создают условия для применения дискреционных полномочий, относящихся к сохранению применения этих мер или отказа от них в пользу более строгого уголовно-правового воздействия, т. е. наказания.

Ключевые слова: наказание, иные меры уголовно-правового характера, система, системные связи, субординационные связи, реординационные связи, координационные связи.

1. Введение

Прежде чем перейти к анализу системных связей, обратимся к содержанию системы иных мер уголовно-правового характера. Считаем верным подход, в соот-

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

ветствии с которым систему мер уголовно-правового воздействия составляют уголовное наказание, условное осуждение, освобождение от уголовной ответственности и от наказания, иные меры уголовно-правового характера, а также особые положения закона, характеризующие уголовную ответственность несовершеннолетних, судимость и некоторые другие рядоположные институты (Бавсун 2013, 253–256).

Иные меры уголовно-правового характера выступают частью (подсистемой) уголовно-правового воздействия, выстроенной в зависимости от сущности направлений коррекции общественно опасного поведения. При этом полагаем, что отграничение системы иных мер уголовно-правового характера от родственных уголовно-правовых институтов нужно проводить по следующим критериям:

- целевое назначение, т. е. конечный результат применения;
- срочный/бессрочный характер, т. е. отражение длительности возникающего правоотношения (она имеет место во всей структуре уголовно-правового воздействия, но при этом само правоотношение или приобретает уголовно-исполнительный характер, или нет);
- условный/безусловный характер, т. е. окончательно ли применение правоограничений к лицу, совершившему преступление, изменяемо или дополняемо;
- содержание, т. е. фактический набор правоограничений, присущих именно конкретным мерам уголовно-правового воздействия.

Учитывая обозначенные критерии, а также то, что иные меры уголовно-правового характера, по нашему мнению, относятся к той составляющей уголовно-правового воздействия, которая обеспечена возможностью принуждения, можно сделать вывод, что подсистема «иные меры уголовно-правового характера» ограничена четырьмя видами мер: испытательными, воспитательными, имущественными и лечебными. Соответственно, в настоящей работе нами взят за основу подход, согласно которому иными мерами уголовно-правового характера выступают условное осуждение, принудительные меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, отсрочка отбывания наказания, принудительные меры медицинского характера, судебный штраф и конфискация имущества.

Исследование системных связей важно, поскольку дает возможность достичь целостного видения самой системы и рассмотреть ее статичные и динамические параметры. В системном анализе общеприняты выделение подсистем, вскрытие их функций, выявление связей между ними, что позволяет установить взаимодействие между элементами (Мухсинова 2013, 81).

Положив в основу системы иных мер уголовно-правового характера такой критерий, как характер правоограничений, и отделив их от наказания как более строгой формы уголовно-правового воздействия, мы можем получить конструкцию, в соответствии с которой в систему иных мер уголовно-правового характера включаются: 1) меры, связанные с изоляцией либо ограничением личной свободы; 2) меры, связанные с ограничением имущественных прав.

Следовательно, иные меры уголовно-правового характера дифференцируются по объему воздействия на правовой статус лица, совершившего общественно опасное деяние, и определяют вид тех прав, которые подвергаются воздействию

в связи с совершением преступления. Систему иных мер уголовно-правового характера можно определить как целостное множество, выстроенное по иерархическому принципу и разделенное на две подсистемы, нормативно отраженные в положениях Общей части Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ¹ (далее — УК РФ), а социально — в конкретных общественных отношениях, возникающих в связи с совершением лицом преступления и необходимостью применения к нему мер уголовно-правового воздействия.

Мы придерживаемся методологии, в соответствии с которой выделяют:

- субординационные (иерархические) связи, обеспечивающие непротиворечивость уголовно-правового регулирования;
- реординационные (обратные) связи, возникающие в структуре уголовно-правового регулирования при регулятивной недостаточности источников с большей юридической силой за счет вовлечения в процесс правового регулирования источников с меньшей юридической силой;
- координационные связи, заключающиеся в согласовании уголовно-правовых предписаний (Капинус 2015, 36–38).

Наличие вышеперечисленных связей позволяет раскрыть систему иных мер уголовно-правового характера в их спектральном многообразии и оценить их роль в механизме уголовно-правового воздействия. В системе российского законодательства наиболее значимыми признаются субординационные связи (Лебедев 2001), однако это не умаляет роль связей других видов.

В теории организации выделяют и иные связи, например регулирующие, упорядочивающие, интеграционные (Веснин 2014, 7–8), однако, как представляется, это не свойственно предмету правовых исследований, где системный подход основан на наличии элементов правового регулирования. В теории самоорганизации некоторое внимание уделяется субординационно-координационным связям (Ковтунова, Музыка 2012), что является следствием синергетического подхода, которому присуще новое видение категорий причинности, пространства и времени (Князева, Курдюмов 2002) и который не в полном объеме уместен при исследовании особенностей уголовно-правового регулирования.

2. Основное исследование

Начнем анализ с субординационных связей вовне и внутри системы иных мер уголовно-правового характера. Внешние субординационные связи необходимо рассматривать в контексте вопроса о том, в каком качестве иные меры уголовно-правового характера находятся в структуре уголовно-правового воздействия. Полагаем, что иные меры уголовно-правового характера стали полноценным компонентом уголовно-правового воздействия, альтернативным уголовному наказанию или дополняющим возникающие в связи с применением наказания ограничения прав и свобод осужденного.

¹ Здесь и далее все ссылки на российские и международные нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 15 июня, 2020. <http://www.consultant.ru>.

При некотором сходстве видов наказания и иных мер уголовно-правового характера (например, штрафа и судебного штрафа) мы можем заключить, что сочетанное воздействие на лицо, совершившее преступление, не отвечает назначению уголовного судопроизводства, тогда как сепаратное (альтернативное) способствует индивидуализации уголовной ответственности.

В иных случаях императивное требование закона о применении иных мер уголовно-правового характера основано на особом статусе субъекта, совершившего общественно опасные действия (даже, скорее, на его особой уязвимости, например, если речь идет о лицах, признанных невменяемыми).

Наконец, если содеянное допускает применение и наказания, и иной меры уголовно-правового характера², то сочетанное воздействие на осужденного оценивается, исходя из характера и степени общественной опасности преступления.

Таким образом, система иных мер уголовно-правового характера в социально-правовом качестве выступает подсистемой уголовно-правового воздействия, а в формально-юридическом — институтом Общей части уголовного права. Нормы, регламентирующие основания, порядок и условия применения иных мер уголовно-правового характера, находятся в иерархическом единстве с другими положениями Общей части уголовного права, прежде всего с положениями о наказаниях.

«Систематическая обработка уголовно-юридического материала», по образному выражению Г. С. Фельдштейна (Фельдштейн 2003, 3), неизбежно подразумевает обращение к внутриотраслевой иерархии норм. Соответственно, внешние связи позволяют охарактеризовать категорию уголовно-правового воздействия как целостный механизм (а не только как совокупность уголовно-правовых норм) и рассмотреть иные меры уголовно-правового характера как часть этого механизма. Существенное значение в данном случае приобретает вопрос о допустимости применения иных мер уголовно-правового характера, который в большинстве случаев намеренно оставлен законодателем на усмотрение правоприменителя. Например, принудительные меры воспитательного воздействия к несовершеннолетним применяются, если дознаватель, следователь или судья признает возможным его исправление без применения мер уголовного наказания (ч. 1 ст. 90 УК РФ). Критерии возможности исправления законом не установлены. Из этого следует, что именно усмотрение правоприменителя при оценке характера и степени общественной опасности содеянного и личности несовершеннолетнего правонарушителя выступает главным условием для положительного решения вопроса о применении к нему иной меры уголовно-правового характера.

В механизме применения некоторых иных мер уголовно-правового характера можно видеть сочетание императивных требований закона и усмотрения правоприменителя. Например, отсрочка отбывания наказания больным наркоманией в соответствии с ч. 1 ст. 82¹ УК РФ применяется судом при наличии объективного и субъективного условий. Объективным в данном случае является предъявление обвинения в совершении преступлений определенных видов (ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231, ст. 233 УК РФ), а субъективным — выраженное обвиняемым добровольное желание пройти курс лечения и социальной реабилитации.

² Например, конфискации имущества, которая с 2003 г. исключена из перечня наказаний (ч. 11 ст. 1 Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в УК РФ»).

Из этого следует, что нормативное регулирование уголовно-правового воздействия, включающего подсистему иных мер уголовно-правового характера, тяготеет в современный период к аналогии того, что в международном праве именуется «мягким правом» (soft law), т. е. к системе норм, не содержащих четкого перечня прав и обязанностей, но применяющихся в качестве обязательных (Бекашев 2003, 384). Естественно, метод аналогии в уголовном праве не вполне корректен, поэтому используем его с некоторой долей условности. Однако поскольку «мягкое право» — это инструмент гармонизации законодательства (Демин 2016, 16), в научных целях такая аналогия допустима. Соответственно, в отсутствие жестко предусмотренной обязанности применить иную меру уголовно-правового характера правоприменитель может самостоятельно принять такое решение, если характер и степень общественной опасности деяния и личность субъекта отвечают тем требованиям, которые предусмотрены законом.

Кроме того, сочетание императивных норм и усмотрения правоприменителя иллюстрирует способность системы иных мер уголовно-правового характера к саморазвитию и прогрессу, т. е. характеризует ее внутреннее качество, сформировавшееся вследствие отсутствия обязывающих норм, не оставляющих правоприменителю свободы выбора.

Как справедливо отмечал В. Г. Афанасьев, «управленческие решения довлеют над объектом на всех стадиях цикла управления» (Афанасьев 1973, 208). Нельзя сказать, что иные меры уголовно-правового характера полностью исключают такой способ регулирования, но в целом он является скорее исключением, нежели правилом. В силу того, что уголовно-правовое воздействие в виде наказания невозможно в отношении лиц, лишенных способности осознавать характер и значение своих действий или руководить ими, к ним применяются принудительные меры медицинского характера, а уголовная ответственность исключается. При этом указанные меры не используются в тех целях, которые установлены для уголовного наказания, они предназначены для излечения таких лиц (ст. 98 УК РФ). Можно говорить и о том, что с их помощью данные лица изолируются от общества, но изоляция сама по себе здесь не презюмируется в качестве обязательной.

Следовательно, в нормах Общей части уголовного права заложена идея снижения объемов репрессивного уголовно-правового воздействия, т. е. применения мер наказания. На сегодняшний день об этом достаточно ярко свидетельствуют статистические данные о применении условного осуждения: до 30% приговоров заканчиваются таким итоговым решением³. Потенциал всей совокупности иных мер уголовно-правового характера в настоящий момент не реализован в полном объеме, но при дальнейшей гуманизации уголовной политики их распространенность, очевидно, будет повышаться.

Соответственно, система иных мер уголовно-правового характера имеет потенциал дальнейшего динамического развития и социальную направленность, характеризующую общий вектор гуманизации уголовной политики. Отказ от применения исключительно репрессивного уголовно-правового воздействия, мер наказания, можно смело назвать цивилизационной задачей или цивилизационным

³ «Статистика Судебного департамента РФ о состоянии судимости в стране в период с 2008 по 2019 г.». Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Дата обращения 16 июня, 2020. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

вызовом, поскольку он знаменует собой принципиальное изменение подхода к анализу юридических последствий совершения общественно опасных деяний. Логично предположить, что эта тенденция не затронет наиболее опасные формы криминального поведения, а также лиц, не впервые преступивших закон, но ее более широкое распространение привнесет новый вектор в индивидуализацию уголовной ответственности.

В свою очередь, внутренние субординационные связи отражают специфику системы иных мер уголовно-правового характера, позволяя распределить ее элементы в соответствии с функциональным назначением. Именно так выделяются две подсистемы, а именно меры, связанные с изоляцией или ограничением личной свободы, и меры, связанные с ограничением имущественных прав субъекта. Иерархическое взаимоотношение между данными подсистемами отсутствует, поскольку законодатель не использовал при регламентации иных мер уголовно-правового характера перечневый подход и не расположил их по принципу большей или меньшей строгости.

Тем не менее благодаря внутренним субординационным связям мы можем видеть весь спектр иных мер уголовно-правового характера как рядоположных элементов. Если обратиться к положениям науки теории организации, можно заключить, что в данном случае система иных мер уголовно-правового характера является линейной, обеспечивающей реализацию всей совокупности функций (Жигун 2017, 82–83). Это подразумевает, что каждая из подсистем в общей структуре позволяет решить задачи, установленные в ст. 2 УК РФ, а также обосновать либо возможность исправления лица, совершившего общественно опасное деяние, без применения мер уголовного наказания, либо, напротив, потребность совокупного применения и наказания, и иной меры уголовно-правового характера (например, конфискации имущества, амбулаторного принудительного лечения у психиатра).

Таким образом, в системе иных мер уголовно-правового характера мы выделяем: 1) внешние субординационные связи между иными мерами уголовно-правового характера и другими подсистемами уголовно-правового воздействия (наказанием, освобождением от уголовной ответственности), а именно нормы Общей части УК РФ, ориентирующие правоприменителя на оценку целесообразности применения конкретной формы реагирования на преступление; 2) внутренние субординационные связи между подсистемами, образующими систему иных мер уголовно-правового характера, взаимообуславливающие выбор правоприменителем конкретной из них, а именно нормы Общей части УК РФ, ориентирующие его на оценку целесообразности конкретной иной меры уголовно-правового характера при наличии возможных альтернатив.

Реординационные связи, которые в целом ряде социальных динамических систем подразумевают существование «механизма обратной связи» или переподчинения одного элемента системы другому (Коваженков 2013, 101), могут приобретать следующую специфику. В отличие от внешних субординационных связей, выводящих нас на соотношение иных мер уголовно-правового характера и уголовно-правового воздействия в целом, реординационные связи дают возможность познания соотношения иных мер уголовно-правового характера и институтов освобождения от уголовной ответственности и освобождения от наказания. Они могут носить коллизионный характер: например, нормы о судебном штрафе включены

в два тематических раздела Общей части УК РФ. Соответственно, сферой применения судебного штрафа выступает и освобождение от уголовной ответственности (ст. 76² УК РФ), и иные меры уголовно-правового характера (гл. 15² УК РФ). Как и большинство остальных оснований освобождения от уголовной ответственности, перечисленных в ст. 75, 76, 76¹, 78 УК РФ, судебный штраф напрямую связан с возмещением ущерба, причиненного преступлением, или с иным заглаживанием вреда. Лишь освобождение в связи с истечением срока давности не требует от субъекта социально полезных действий. Сущность коллизии в том, что судебный штраф может применяться только судом, а лица, осуществляющие досудебное производство по уголовному делу, на его применение не уполномочены. Только в ст. 25.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ установлен порядок, в соответствии с которым они могут направить ходатайство в суд для рассмотрения его по существу. Между тем применение иных оснований освобождения от уголовной ответственности допускается и судьей, и должностным лицом, осуществляющим производство предварительного расследования.

По общему правилу реординационные связи соответствуют субординационным связям (Смоленский, Алексеева 2013, 526) и имеют с ними соподчинение. Рассматривая систему иных мер уголовно-правового характера как структуру, состоящую из двух подсистем, будем исходить из того, что, в отличие от динамических систем, в которых генерируется законопослушная деятельность (Кажикин 2013), сфера уголовно-правового воздействия имеет определенные особенности.

Так, применение уголовно-правового воздействия генерируется совершением общественно опасного деяния. В случае если лицо, его совершившее, обладает уголовно-правовой деликтоспособностью в соответствии со ст. 20–21 УК РФ, то по общему правилу оно подлежит уголовному наказанию. Если речь идет о совершении преступления лицом, признанным невменяемым, уголовная ответственность не наступает, а единственно возможной реакцией на проявление общественно опасного поведения становится применение принудительных мер медицинского характера, целью которых является излечение или улучшение психического состояния, а не наказание виновного. Тем самым их можно рассматривать как часть уголовно-правового воздействия с долей условности. Иное означало бы, что лица, страдающие душевными заболеваниями, подлежат ответственности и наказанию, что недопустимо и не соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права (в том числе ст. 5 Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948 и ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966), а также принципам оказания психиатрической помощи.

Как известно, законодательство РФ допускает недобровольную госпитализацию в психиатрический стационар (ст. 29 Закона РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»), но требует принятия по данному вопросу судебного решения, что фактически подразумевает проверку судом обоснованности госпитализации (ст. 33). Международные медицинские рекомендации выстроены, в свою очередь, так, чтобы по возможности не допускать потенциально опасного или унижающего достоинство лечения, применения сильнодействующих медикаментов в качестве наказания, длительной изоляции при отсутствии медицинских показаний (Розенталь, Сандрем 2004, 72–74).

В связи с этим некоторые авторы справедливо отмечают, что «в структуре уголовно-правовых институтов трудно разместить определенное число уголовно-правовых по своей сущности норм» (Бабурин, Хоменко 2017, 109). Действительно, особенности некоторых общественных отношений таковы, что возникает необходимость их регулирования не только уголовно-правовыми нормами. Более того, уголовно-правовая составляющая появляется в исключительных случаях, тогда как по своей сути указанные отношения имеют административно-правовую или гражданско-правовую природу. Например, психиатрическая помощь включает в себя соответствующие медицинские услуги, оказываемые на добровольных началах, а в необходимых случаях — принудительные меры медицинского характера.

Исходя из изложенного, реординационные связи в системе иных мер уголовно-правового характера могут получать нормативное выражение в законодательных и иных правовых актах, регламентирующих порядок осуществления общественных отношений смежной тематики.

Роль координационных связей в системе состоит в том, что они упорядочивают взаимодействие между ее элементами. Существенное усиление координационных связей приводит по общему правилу к изменению качества управления системой (Рыбин 2009, 401). В системе иных мер уголовно-правового характера это выражается в том, что при их применении становится возможным выявить необходимость изменения или дополнения ранее возложенных на лицо ограничений.

Наиболее ярко это видно на примере условного осуждения, где в течение испытательного срока перечень обязанностей, возлагаемых на осужденного, может быть расширен, а сам испытательный срок — продлен или сокращен в соответствии со ст. 74 УК РФ. Более того, в декабре 2013 г. при исполнении условного осуждения стало обязательным контролировать возмещение осужденным ущерба, причиненного преступлением. Уклонение от этого может стать основанием для отмены условного осуждения, т. е. для изменения содержания уголовно-правового воздействия, обращения приговора к исполнению и направления осужденного в места лишения свободы (ч. 2¹ ст. 74 УК РФ).

Далее, роль координационной связи в системе иных мер уголовно-правового характера играет установление соотношения между процессом исправления субъекта (а исправление, например, прямо требуется при применении условного осуждения) и его образом жизни. В частности, систематическое совершение условно осужденным нарушений общественного порядка, квалифицируемых как административные правонарушения, либо систематическое уклонение от исполнения обязанностей, возложенных на него по приговору суда, могут стать основаниями для отмены условного осуждения и обращения к исполнению того наказания, которое было назначено по правилам, установленным в ст. 73 УК РФ.

Из этого можно заключить, что координационные связи носят в данном случае односторонний характер, поскольку приведенные правила лишены императивности, но являются, по сути, альтернативой, разрешаемой на усмотрение правоприменителя, т. е. суда, вынесшего приговор. Как показывают статистические данные, суды достаточно лояльно относятся к условно осужденным, исполняющим возложенные на них обязанности ненадлежащим образом, но не совершающим при этом нового преступления. Так, из 38 839 ходатайств об отмене условного осуждения судами удовлетворено в 2017 г. около 45 % — 17 557, а остальные возвращены или

отозваны, либо в их удовлетворении отказано⁴. Соответственно, имея правовую возможность для отмены условного осуждения и обращения наказания к реальному исполнению, суды не используют ее, оставляя в силе иную меру уголовно-правового характера. Как представляется, сохранение дискреционных полномочий суда в данном случае оправданно, поскольку безальтернативная отмена условного осуждения в таких случаях не позволила бы в индивидуальном порядке учесть все особенности, относящиеся к конкретным делам.

Таким образом, реординационные и координационные связи в системе иных мер уголовно-правового характера могут приобретать отраслевое и межотраслевое значение. В первом случае мы говорим о содержании и объеме необходимого (или допустимого) уголовно-правового воздействия, т.е. о соподчиненности или согласованности различных норм Общей части УК РФ. Во втором — об изменении интенсивности государственного принуждения, применяемого к осужденному, на основе квалификации его посткриминального поведения как правонарушения, деликтная сущность которого определяется другими отраслями права.

Исследование совокупности реординационных и координационных связей в системе иных мер уголовно-правового характера позволяет заключить, что их наличие адаптирует абстрактный уголовно-правовой институт к условиям реальной действительности. Особенности юридической действительности положены теоретиками в основу отраслевого деления права (Разуваев 2002), поэтому будем исходить из того, что подобный семантический подход способствует наиболее простому построению механизма правоприменения различных правовых институтов.

Соответственно, благодаря наличию связей разной направленности в системе иных мер уголовно-правового характера возникают условия для оценки целесообразности их применения в конкретном случае и может быть выработан алгоритм (последовательность действий правоприменителя), способствующий принятию решения об их применении. Полагаем, что приоритетно должна оцениваться общественная опасность деяния и отнесение его к одной из четырех категорий, предусмотренных ст. 15 УК РФ. Далее, поскольку мы задаем характерные критерии первичной криминализации лица (т.е. совершение преступления впервые) при условии его полной деликтоспособности (вменяемости и совершеннолетия, хотя непосредственно ст. 20 УК РФ этот возрастной признак толкует иначе), возникают следующие альтернативы, основанные на критерии целесообразности. Применение иных мер уголовно-правового характера может быть приоритетным по отношению к лицам, совершившим преступления небольшой или средней тяжести впервые, а освобождение от уголовной ответственности должно стать исключительным. Эффективным будет применение наказания либо его альтернативы — иной меры уголовно-правового характера в виде условного осуждения — к субъектам, совершившим тяжкие или особо тяжкие преступления.

Как представляется, данный подход содействовал бы повышению распространенности применения иных мер уголовно-правового характера, поскольку алгоритм для правоприменителя сегодня отсутствует, т.е. нет методического обеспечения этой деятельности.

⁴ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2017 г. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Дата обращения 17 октября, 2018. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476>.

Таким образом, в системе иных мер уголовно-правового характера мы выделяем: *реординационные связи*, обуславливающие соотношение иных мер уголовно-правового характера как способов реагирования на преступное поведение и освобождения от уголовной ответственности или наказания как отказа от такого реагирования, а именно нормы Общей части УК РФ, позволяющие преодолевать юридические коллизии, возникающие в правоприменительной деятельности; *координационные связи*, отражающие согласованность правового регулирования, а именно нормы Общей части УК РФ, позволяющие установить соотношение между процессом исправления лица, подвергнутого иной мере уголовно-правового характера, и его добросовестности в исполнении обязанностей, возникающих в связи с ее применением.

Как известно, в единстве нормы права и правоотношения проявляются всеобщие связи и закономерности (Пионтковский 1965, 71–78); при этом и нормы права, и правоотношения как явления социальной реальности обладают качественной определенностью (Мокичев и др. 2017, 598). Из этого можно заключить, что, помимо юридической абстракции, система иных мер уголовно-правового характера должна обладать конкретными чертами, позволяющими объективизировать ее в правоотношения и социальную действительность.

Воплощение правовых норм в правоотношениях подразумевает реализацию субъективных прав и обязанностей (Кечекьян 1958, 34–35), т. е. превращает юридические предписания в элемент социального взаимодействия. Соответственно, право становится «масштабом социальной свободы» (Поляков 2015, 154), и в этом качестве его охранительные нормы оказывают воздействие на структуру общественных отношений. Иные меры уголовно-правового характера как часть общественных отношений, возникающих в связи с совершением лицом общественно опасного деяния, объективизируются в конкретных обязанностях, возлагаемых на правонарушителя.

Рассматривая связи внутри различных систем, ученые обычно выделяют три ситуации: элементы являются по отношению друг к другу внешней средой; элементы имеют общие части, частично пересекаются; один элемент системы целиком входит в другой (Кажикин 2013). Проецируя этот подход на систему иных мер уголовно-правового характера, можно заключить, что ее элементы (подсистемы) нестрого соподчинены, сравнительно редко взаимозаменяемы, но при этом альтернативны как более строгому уголовно-правовому воздействию, так и полному отказу от его применения.

Такая вариативность обусловлена общим вектором гуманизации уголовной политики и является показателем того, что правовая оценка общественно опасных деяний включает и анализ целесообразности применения той или иной формы уголовно-правового воздействия.

Иными словами, наличие в системе иных мер уголовно-правового характера реординационных и координационных связей способствует формированию восприятия правовых норм не как абстрактных регуляторов общественных отношений, а как конкретных инструментов, адекватных характеру и степени общественной опасности преступления и личности виновного.

Отражение системных связей иных мер уголовно-правового характера в положениях Общей части УК РФ дает правоприменителю представление о степени

воздействия конкретных регуляторов на лицо, совершившее общественно опасное деяние. На фоне имеющейся доказательственной информации о положительном посткриминальном поведении правонарушителя может формироваться вывод о нецелесообразности применения как наказания, так и освобождения от уголовной ответственности. Только в исключительных случаях, связанных с недееспособностью лица, эти вопросы не имеют перспективы дифференцированной оценки.

3. Выводы

Субординационные, реординационные и координационные связи в системе иных мер уголовно-правового характера отражают весь спектр внутреннего и внешнего взаимодействия ее элементов и ее характеристики как подсистемы уголовно-правового воздействия.

Локализация норм, регламентирующих применение иных мер уголовно-правового характера, в структуре Общей части УК РФ подчинена внешним и внутренним субординационным связям, обуславливающим их иерархическое соотношение. Однако вследствие законодательных недочетов расположение их внутри соответствующего раздела Общей части характеризуется фрагментарностью.

Реординационные связи демонстрируют соподчиненность системы иных мер уголовно-правового характера как подсистемы уголовно-правового воздействия, а также бланкетное (отсылочное) взаимодействие с другими элементами системы уголовно-правового воздействия либо с иными сферами социальной жизни, пересекающимися с негативными социальными явлениями. При этом нормативное соотношение иных мер уголовно-правового характера и института освобождения от уголовной ответственности в действующем УК РФ оптимально не в полном объеме, а соприкосновение их с медицинско-правовой (психиатрия, лечение наркомании и др.) проблематикой не до конца выражено.

Координационные связи в системе иных мер уголовно-правового характера носят односторонний характер и создают условия для применения дискреционных полномочий, относящихся к сохранению применения этих мер, или для отказа от них в пользу более строгого уголовно-правового воздействия, т. е. наказания.

Библиография

- Афанасьев, Виктор Г. 1973. *Научное управление обществом*. М.: Наука.
- Бабурин, Василий В., Анатолий Н. Хоменко. 2017. «Система российского уголовного права: содержательный аспект». *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий* 4: 106–111.
- Бавсун, Максим В. 2013. «Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации». Дис. ... д-ра юрид. наук, Омская академия МВД РФ.
- Бекяшев, Камиль А., ред. 2003. *Международное публичное право*. М.: Юрист.
- Веснин, Владимир Р. 2014. *Теория организации*. М.: Проспект.
- Демин, Александр В. 2016. «Мягкое право» в эпоху перемен: опыт компаративного исследования. М.: Проспект.
- Жигун, Леонид А. 2017. *Теория организации и организационная деятельность*. М.: ИНФРА-М.
- Кажикин, Александр А. 2013. «Субординационные и координационные связи в системе отечественных СМИ». *Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика* 1: 136–139.

- Капинус, Оксана С., ред. 2015. *Актуальные проблемы уголовного права*. М.: Проспект.
- Кечекьян, Степан Ф. 1958. *Правоотношения в социалистическом обществе*. М.: Госюриздат.
- Князева, Елена Н., Сергей П. Курдюмов. 2002. «Синергетические принципы коэволюции сложных систем». *Глобализация: синергетический подход*, 34–72. М.: Российская академия государственной службы при Президенте РФ.
- Коваженков, Михаил А. 2013. *Феномен управления в экономическом пространстве*. М.: Научная библиотека.
- Ковтунова, Диана В., Оксана А. Музыка. 2012. «Координационно-субординационные связи понятий в рамках теории самоорганизации и нелинейности». *Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова* 1: 195–200.
- Лебедев, Максим Е. 2001. «Субординационные связи в российском законодательстве». *Российский юридический журнал* 3: 29–31.
- Мокичев, Константин А., Абрам М. Айзенберг, Эльхон Л. Розин, Андрей М. Васильев, Анатолий Б. Венгеров. 2017. *Научное наследие кафедры теории государства и права ВЮЗИ — МЮИ — МГЮА*. М.: Проспект.
- Мухсинова, Лейла Х. 2013. *Исследование систем управления*. Оренбург: Оренбургский государственный университет.
- Пионтковский, Андрей А. 1965. «Юридическая наука, ее природа и метод». *Советское государство и право* 7: 71–78.
- Поляков, Андрей В. 2015. *Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода*. М.: Проспект.
- Разуваев, Николай В. 2002. «Критерии отраслевой дифференциации права». *Правоведение* 3: 31–55.
- Розенталь, Эрик, Кларенс Сандрем. 2004. *Роль международных прав человека в законодательстве по охране психического здоровья*. Женева: Отдел охраны психического здоровья и предупреждения токсикомании ВОЗ.
- Рыбин, Валерий И., ред. 2009. *Национальные банковские системы*. М.: ИНФРА-М.
- Смоленский, Михаил Б., Марина В. Алексеева. 2013. *Конституционное право*. Ростов: Феникс.
- Фельдштейн, Григорий С. 2003. *Главные течения в истории науки уголовного права в России*. М.: Зерцало.

Статья поступила в редакцию 15 декабря 2019 г.;
рекомендована в печать 2 сентября 2021 г.

Контактная информация:

Лаптев Дмитрий Борисович — канд. юрид. наук; lapa612@mail.ru

Subordination, reordination and coordination ties in the structure of other measures of a criminal-legal nature

D. B. Laptev

West Siberian branch of the Russian State University of Justice,
2, pl. Lenina, Tomsk, 634050, Russian Federation

For citation: Laptev, Dmitry B. 2021. "Subordination, reordination and coordination ties in the structure of other measures of a criminal-legal nature". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 4: 1003–1016. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.412> (In Russian)

In order to determine the specifics of subordination, reordination and coordination ties in the structure of other measures of a criminal-legal nature, the content of the system of these measures is analysed, in which it is proposed to include measures related to isolation or restriction of personal freedom and measures related to the restriction of property rights. It is suggested to define a system of other measures of a criminal-legal nature as a holistic set,

built on a hierarchical principle and divided into two subsystems, the normative reflection of which takes place in the provisions of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation, and social — in specific public relations arising from the commission of a crime and the need to apply criminal law measures to it. In the study of external subordinate relations, it is concluded that other measures of a criminal-legal nature have become a full-fledged component of criminal law, alternative to criminal punishment or supplementing the restrictions on the rights and freedoms of the convicted person arising from the application of punishment. Internal subordinate ties reflect the structure of the system of other measures of a criminal-legal nature and allows them to be distributed according to their functional purpose. The conclusion is made that the reordination ties demonstrate the cosubordination of the subsystem of the system for other measures of a criminal-legal nature, as well as a blanket (reference) interaction with other elements of the system of criminal-legal action, or with other spheres of social life, which intersect with negative social phenomena. Also, it is substantiated that coordination ties in the structure of the system of other measures of a criminal-legal nature are unilateral and create conditions for the use of discretionary powers related to the preservation of the application of these measures or refusal of them in favor of a stricter criminal-legal act, punishment.

Keywords: punishment, other measures of a criminal-legal nature, system, systemic ties, subordinated ties, reordained ties, coordination ties.

References

- Afanašev, Viktor. 1973. *Scientific management of society*. Moscow, Nauka Publ. (In Russian)
- Baburin, Vasilii V., Anatolii N. Khomenko. 2017. "System of the Russian criminal law: substantial aspect". *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologii* 4: 106–111. (In Russian)
- Bavsun, Maksim V. 2013. "Criminal law influence: ideology, goals and means of realization". Dr. Sci. diss., Omskaia akademiia MVD RF. (In Russian)
- Bekiashev, Kamil' A. ed. 2003. *International public law*. Moscow, Iurist Publ. (In Russian)
- Demin, Aleksandr V. 2016. "The soft right" during an era of changes: experience of a comparative research. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Feldshtein, Grigorii S. 2003. *The main currents in the history of science of criminal law in Russia*. Moscow, Zertsalo Publ. (In Russian)
- Kapinus, Oksana S. ed. 2015. *Current problems of criminal law*. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Kazhikin, Aleksandr A. 2013. "Subordinated and coordination communications in the system of domestic media". *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya. Zhurnalistika* 1: 136–139. (In Russian)
- Keček'ian, Stepan F. 1958. *Legal relationship in socialist society*. Moscow, Gosizdat Publ. (In Russian)
- Kniazeva, Elena N., Sergei P. Kurdiunov. 2002. "Synergetic principles of a koevolution of complex systems". *Globalization: synergetic approach*, 34–72. Moscow, Rossiiskaia akademiia gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente RF Publ. (In Russian)
- Kovazhenkov, Mikhail A. 2013. *A phenomenon of management in economic space*. Moscow, Nauchnaia biblioteka Publ. (In Russian)
- Kovtunova, Diana V., Oksana A. Muzyka. 2012. "Coordination and subordinated communications of concepts within the theory of self-organization and nonlinearity". *Vestnik Taganrožskogo instituta im. A. P. Chekhova* 1: 195–200. (In Russian)
- Lebedev, Maksim E. 2001. "Subordinated communications in the Russian legislation". *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal* 3: 29–31. (In Russian)
- Mokichev, Konstantin A., Abram M. Eisenberg, Elkhon L. Rosin, Andrey M. Vasiliev, Anatoly B. Vengerov. 2017. *Scientific heritage of department of the theory of the state and right of VYuZI — MYuI — MGYuA*. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Mukhsinova, Leila Kh. 2013. *Research of control systems*. Orenburg, Orenburgskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russian)

- Piontkovskii, Andrei A. 1965. "Jurisprudence, its nature and method". *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* 7: 71–78. (In Russian)
- Poliakov, Andrei V. 2015. *The general theory is right: interpretation problems in the context of communicative approach*. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Razuvaev, Nikolai V. 2002. "Criteria of branch differentiation of the right". *Pravovedenie* 3: 31–55. (In Russian)
- Rozental', Erik, Klarens Sandrem. 2004. *A role of the international human rights in the legislation on mental health care*. Geneva, Otdel okhrany psikhicheskogo zdorov'ia i preduprezhdeniia toksikomanii VOZ Publ. (In Russian)
- Rybin, Valerii. ed. 2009. *National banking systems*. Moscow, INFRA-M Publ. (In Russian)
- Smolenskii, Mikhail B., Marina V. Alekseeva. 2013. *Constitutional right*. Rostov, Feniks Publ. (In Russian)
- Vesnin, Vladimir R. 2014. *Theory of the organization*. Moscow, Prospekt Publ. (In Russian)
- Zhigun, Leonid A. 2017. *Theory of the organization and organizational activity*. Moscow: INFRA-M Publ. (In Russian)

Received: December 15, 2019
Accepted: September 2, 2021

Author's information:

Dmitry B. Laptev — PhD in Law; lapa612@mail.ru